

ры и просвещения, наряду с главным их назначением — быть светильниками веры, благочестия и милосердия.

Булавин М.В.(НТГПИ)
**ОБНОВЛЕНЧЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТАГИЛЬСКОГО
ОКРУГА В 1923–1927 гг.**

Распространение обновленческого раскола и борьба с ним — одна из наиболее часто встречающихся тем в документах, рассказывающих о жизни Православной Церкви в 20-е гг. XX в. Однако до сегодняшнего дня история этого феномена, особенно на местном уровне, не прояснена в деталях, актуальной поэтому является задача ликвидировать этот пробел.

Обновленческое движение, окончательно сформировавшееся к лету 1922 г., весьма скоро обратило на себя внимание православных приходов Тагильского округа. Осенью 1923 г. ряд общин Нижнего Тагила: Входа-Иерусалимская, Введенская, Скорбященская, при регистрации их уставов в окрадрмотделе включили в них пункты о неприятии обновленчества. Так, православные прихожане Входа-Иерусалимского собора постановили подчиняться «только тому церковному управлению (ныне патриарх) и законоположенным от него епископам, которые ... единомысленны и находятся в церковном общении с вселенскими восточными патриархами»¹. Эта мера была попыткой закрыть путь для распространения раскола. Успехом она не увенчалась, так как обновленцы на Урале, как и по всей стране, пользовались поддержкой властей разного уровня. Открытый и одобряемый властями захват ими храмов, имевший место в ряде российских местностей, на Урале был, по-видимому, не столь распространен. Правда, может быть отмечена подобная попытка в отношении Никольской церкви Ново-Лялинского завода, в которую 20 февраля 1926 г. ворвались обновленцы, собиравшиеся провести свою службу². Но в целом обновленцы старались действовать за спиной советской власти, проводившей более справедливое, чем раньше, распределение молитвенных зданий между верующими разных направлений. Окружной исполком при этом активно использовал свое право разрывать договор с группой верующих при недостатке или повреждении храмового имущества. Естественно, что подобные случаи могли иметь место в обстановке тех лет — уровень общественной нравственности снизился за время гражданской войны, а общины не всегда должным образом могли обеспечить охрану своей, ставшей «общенародной», собственности. Любопытно, что в первую очередь таким проверкам подвергались приходы, проявлявшие антиобновленческую активность: упоминавшийся уже Входа-Иеру-

салимский и Введенский, собиравшиеся в 1924 г. организовать съезд духовенства и мирян для создания независимой от обновленцев православной епархии. В результате договор с первой общиной был разорван 7 июня, а со второй — 5 августа 1925 г.

Как при подготовке передачи храмов, так и в остальное время обновленцы охотно прибегали к доносам как средству воздействия на отношение советской власти к православным. Так, обновленческий «архиепископ» Серапион отзывался об общине Выйско-Никольской церкви как о состоящей «из одних кулаков и буржуев». Подобные заявления звучали из уст участников обновленческого епархиального съезда 1927 г.³ Православные Нижне-Туринской Никольской и Баранчинской Покровской общин обвинялись в расхищении церковного имущества⁴, священник новообразованного Введенского прихода Михаил Галкин ставил в вину православному клиру организацию церковных служб в домах верующих⁵, благодаря ходатайству обновленческого благочинного Верхотурья Санникова была закрыта Успенская церковь, населенная монашескими, занимавшимися, по словам доносчика, «развратом и контрреволюционной агитацией»⁶ и т.д. и т.п. В отношении же самих себя обновленцы неизменно подчеркивали свою лояльность советской власти и солидарность с ее политикой в религиозном вопросе.

Уже в феврале 1925 г. Областной административный отдел указывал в своей инструкции тагильскому и другим окрадмотделам на их перегибы в церковном вопросе. В его инструкции говорилось: «Изъятие храмов от религиозных организаций Тихоновского течения и передача их обновленцам ... не сопровождаются должным тактом, в результате чего у населения создается впечатление, что власть поддерживает обновленцев»⁷. В результате изъятия храмов у православных обновленцам удалось уже к исходу 1924 г. создать достаточно разветвленную сеть своих приходов и некоторые организационные структуры. В ноябре 1925 г. в Нижнем Тагиле прошел съезд «духовенства и мирян Нижне-Тагильско-Верхотурской епархии» с избранием на нем «архиепископом» Михаила, правившего до этого в Павлодаре. Позднее свой «епископ» появился и в Верхотурье. Организационно обновленцы Нижне-Тагильского округа подчинялись Уральскому «митрополиту», который, в свою очередь, находился в подчинении у московского Высшего церковного управления. В отличие от «тихоновцев», обновленцам власти разрешали обсуждать вопросы своей жизни на разного рода собраниях. Примерно раз в полгода проводились епархиальные съезды (до 50 делегатов); регулярно проходили заседания епархиального управления, в том числе и расширенное. Анализ материалов этих собраний позволяет нам создать представление о круге вопросов, волновавших в то

время деятелей обновленческого движения. В качестве центральных тем фигурируют в первую очередь проблемы самоидентификации, отношений с православными — «тихоновцами» и финансовая.

Первая проблема возникла как следствие крайне двусмысленного канонического и нравственного положения всего течения обновленчества. Созданное с нарушением массы церковных канонов и отождествлявшееся с антиправославными репрессиями большевиков, оно нуждалось в морально-идейном обосновании самого своего возникновения, особенно перед лицом народных масс. Не удивительно, что каждый обновленческий съезд в «епархии» включал в свою повестку один-два «апологетических» доклада, а конспект лекций для миссионерских курсов, представленный на утверждение в окрадном отдел, в значительной части состоит из анти-тихоновской полемики.

Финансовый вопрос стоял для обновленцев остро не только в местном, но и в общероссийском масштабе. Объяснялось это обстоятельство просто: в новых условиях важнейшим источником средств к существованию для духовенства стали пожертвования прихожан, но в народные массы за обновленцами шли неохотно. В Тагильском округе на обновленческого клирика приходилось по самым скромным подсчетам вдвое меньше прихожан, чем на православного⁹. Отсюда непрерывные жалобы лидеров движения на материальное положение духовенства — «крайне необеспеченного, беспомощного, зачастую терпящего и голод и холод»¹⁰. «Скудность средств духовенства и церковью Епархии, — говорил свердловский «митрополит» Сергей, — колоссальные»¹¹. Недостаток финансовых ресурсов послужил причиной срыва широких планов обновленцев: организации кружков «ревнителей благочестия», миссионерского отдела при ЕУ, проведения регулярных съездов миссионеров и т.д. Из-за «скудности средств» некоторые делегаты не могли даже добираться до мест проведения съездов.

Наименее решаемой была проблема взаимоотношений с православными. Следуя линии, выработанной патриархом Тихоном, митрополитами Петром и Сергием, они не шли ни на какие контакты с обновленцами. Авторитетный в Тагиле священник Сергей Увицкий, к которому съезд обновленцев послал делегацию, заявил их представительнице, «что она не православная... преподанный ему документ съезда не взял, заявив, что их староцерковные епископы запрещают им входить не только в молитвенное, но даже в письменное и устное сношение с обновленцами»¹². Твердость позиции православного духовенства, провал попыток организовать широкую пропаганду и неприятие со стороны церковного народа в 1926-

1927 г. вызвали обратный отток в православие. И если для 1926 г. отмечалось, что «ряд пастырей ушло в тихоновщину, но в целом положение спокойное»¹³, то в 1927 г. говорилось: «народные массы, будучи не в состоянии разобраться в хаосе лжи, с радостью ... идут за вожаками староцерковничества»¹⁴. Немалую роль в этой перемене народного отношения сыграла нравственная неполноценность ряда представителей обновленчества: как дискредитирующие факты отмечаются случаи второбрачия клириков и особенно — отказы от сана. После того, как обновленец Селезнев, служивший в Мелкозеровском приходе, снял сан, местному благочинному прихожане «заявили, что можно ли идти за обновленцами, если обновленчество есть, судя по поступку Селезнева — этап перехода в неверие и безбожие»¹⁵. Таким образом, в округе имел место процесс обратного оттока в православие, хотя он шел, по-видимому, более медленными темпами, чем в целом по стране.

Согласно сведениям за 1926 г. соотношение между православными — «тихоновцами» и обновленцами выглядело следующим образом: по спискам членов религиозных обществ было зарегистрировано 35130 православных и 8871 обновленцев: за православными было закреплено 175, а за обновленцами 40 молитвенных зданий¹⁶. Преобладание обновленцев было обеспечено в окружном центре: у них было 4 храма против одного, Выйско-Никольского, у православных. Позиции православных были достаточно сильны в Алапаевске, Нижней Туре, Черноисточинске, Нижней Салде, Верхотурье. Массовое закрытие храмов в начале 30-х годов еще более обострило описанное соперничество, исчезнувшее лишь после естественной смерти обновленчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Отдел по делам архивов администрации Нижнего Тагила. Ф. 211. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
- 2 Там же. Д. 78. Л. 442.
- 3 Там же. Д. 45. Л. 126.
- 4 Там же. Д. 78. Л. 50–51.
- 5 Там же. Л. 218.
- 6 Там же. Л. 343.
- 7 Там же. Д. 42. Л. 95.
- 8 Там же. Д. 79. Л. 159–160.
- 9 Там же. Д. 46. Л. 418.
- 10 Там же. Д. 79. Л. 118.
- 11 Там же. Л. 118.
- 12 Там же. Л. 12.
- 13 Там же. Л. 69.
- 14 Там же. Л. 116.
- 15 Там же. Л. 69.
- 16 Там же. Л. 418.